

БЕСЕДЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ СУРОЖСКИЙ

На страницах нашего журнала читатель встречался с владыкой Антонием – вдохновенным проповедником, «пастырем добрым», ученым-богословом, теперь же нам предстоит встреча личная, непосредственная. Легко вообразить атмосферу многих бесед митрополита Антония, когда епископской кафедрой служила тесная комнатенка в обычной московской квартире. За окнами еще было прохладно: ледниковому периоду, казалось, не будет конца, а в комнате жарко: горит лампадка, дымок от чайника, заваренного «Бодростью», да и «не горело ли в нас сердце наше» (Лк. 24: 32). Обеденный стол-книжка распахнут во всю ширь, а все же тесно, открыты двери в прихожую, стоят и там. И снова Марфа пробирается среди знакомых и незнакомых, пытаясь встретиться взглядом: «Долить?», но все лица устремлены к одному. Пиршество духа. Вопросы, вопросы, вопросы...

Некоторые из них были прямо связаны с психологией и психотерапией или касались смежных областей. Публикуя фрагменты этих бесед, редакция предлагает читателю прислать свои вопросы к владыке Антонию. Мы перешлем их в Лондон, и, Бог даст, беседа продолжится.

* * *

– Где лежит граница между духовностью и душевностью? Как самому узнать, что тобой двигало – не в обычной жизни, а когда встречаются особенные моменты? Где кончается психология и начинается что-то высшее, можно ли и нужно ли это узнать, и какую градацию можно установить? Какие принципиальные признаки различия болезней – душевных, невротических, психофизических?

– Я не уверен, что о себе самом можно знать столько, сколько можно ощутить в другом; одно мне кажется достоверным: духовное не есть просто продолжение или высшее выражение душевного, совершенство душевного. Нельзя сказать, что где-то кончается душевное и начинается духовное: есть какая-то область, где самым нормальным образом совершается взаимное проникновение. Трудность опознать, где что начинается или кончается, в том, что духовный опыт мы сознаем в душевной плоскости; все духовные явления так или иначе отражаются в нашей психической области. Скажем, благоговение, радость, страх Божий (в хорошем смысле, не в смысле испуганности перед Богом, а трепет) и т.д. – это духовные явления, но охватывают нас душевно и физически, отражаются в этой области и делаются предметом нашего сознания. Старец Силуан говорил, что благодать достигает нашего духа, затем нашей души – психики – и, наконец, заполняет нашу плоть, это, конечно, предел, говорящий о святости. Просто я не знаю такого критерия. Если можно так выразиться, иногда, имея дело с другим человеком, на нюх как бы, на слух какой-то знаешь: вот, это душевный человек говорит; а вот в это мгновение человек тебе сказал что-то, что принадлежит к области духа. Делатели молитвы Иисусовой большое внимание обращали на физические феномены; у них преимущество то, что их не создашь искусственно, поэтому если какой-то феномен присутствует, он вне вашей воли, вашего выбора, и поэтому может являться объективным элементом в расценке. И духовные наставники говорили, что такие-то и такие-то физические ощущения, переживания относятся к той или другой области, но опять-таки, нужно, чтобы говорящий знал, о чем говорит, чтобы он сам прошел этот путь.

У меня был, косвенно, только один интересный опыт в этой области. Англиканский монастырь послал мне послушницу, у которой были какие-то странные психические явления. Они сначала послали ее к психиатру; психиатр оказался редкостный: он ее освидетельствовал и сказал, что ничего общего с этим не имеет, это не относится к психике, он такого не знает, такого нет в его области, это духовная проблема. Не знаю, почему, но ее послали ко мне. И что мне было очень интересно: она начала описывать свое состояние, я ее остановил и сказал: «Не описывайте, я вам его прочту». Взял Исаака Сирина и прочел отрывок, где было описано ее состояние и что ей надо делать, чтобы выйти из него. Вот единственный раз, когда было так ясно, потому что это была не моя оценка, где духовное, где не духовное. Профессиональный психиатр казал: «Это не моя область...» – и Исаак Сирин ответил: «Да, но моя...» Я тут был ни при чем, что, в общем, очень приятно: есть какая-то достоверность, уверенность, что это правда, а не мои выдумки.

С другой стороны, определенно есть люди, у которых развиваются психические болезни, не обязательно зависящие от их духовного

состояния; они являются как бы плохим, испорченным действием естественной сферы, а не сверхъестественной.

– Вы говорили о духовности и о душевности как о разном. А есть ли у них какие-нибудь точки соприкосновения? Можно по опыту душевного судить о прогрессе духовного?

– Я думаю, что абсолютных критериев нет, но есть указания. Скажем, Серафим Саровский в двух поучениях говорит о том, как распознавать действия Божии от действия темной силы. Действие Божие дает мир, радость; уму – свет, сердцу – горение, всему нашему существу – смирение и забвение о себе. Приближение духа тьмы дает тревогу, безрадостность, холод, потемнение ума, сосредоточенность на себе, презрение к другим. Это все признаки душевные, которые дают возможность распознать, что делается в области духовной. Но не всегда можно сказать, что то или другое переживание, те или другие мысли указывают на твою близость к Богу. Есть довольно много примеров из жизни святых, когда человек прельщался и шел не по тому пути; и именно потому что он пошел не по тому пути, он постигал какую-то линию вещей и увлекался. В житии одного из киево-печерских подвижников есть рассказ о том, как он возгордился, отказался остаться в общежитии, ушел самовольно в затвор и соблазнился: под действием злого духа он стал понимать и излагать потрясающим для других образом Ветхий Завет и совершенно забыл все, что относится к Новому Завету.

Так что можно в этом смысле заблудиться. И сказать: «Не может быть, чтобы не Бог его учил, – смотрите, как он глубоко понимает эти истины» – это не критерий, критерием в области душевной, пожалуй, всегда может служить смирение. Оно не бывает от темных сил. И помимо чисто душевной стороны, отцы Церкви, особенно на Афоне в 11-14 веках, развили целую систему критериев физических; все, что мы читаем в связи с Иисусовой молитвой о центре внимания и т.д. – это критериология телесная.

– Значит, и вся физиология, в том числе вегетативная нервная система, участвуют в молитвенном делании?

– В какой-то мере может помогать вегетативная нервная система. Опять-таки, как все тварное, она не может создавать нетварное. Если духовная жизнь – это встреча с Богом, жизнь с Ним, то она может создать благоприятные условия для встречи, но не саму встречу. Скажем (я вам сравнение дам, потому что мыслю больше сравнениями), если вы хотите слышать, что человек говорит, вам надо самому молчать, но от собственного молчания вы ничего не услышите, если он не заговорит. И в этом смысле наш душевный строй может помочь в духовной жизни, но не может ее создать, так же как и физическое состояние успокоенности, стройности подготавливает почву для молитвы, но не есть сама молитва. Феофан Затворник в одном из своих писем говорит, что надо быть, как хорошо натянутая струна на музыкальном инструменте. Если ты

недостаточно натянут и по тебе царапают – никакого чистого звука ты не издашь; если ты перетянут и по тебе ногтем заденут – струна лопнет. А где-то есть равновесие, которое дает чистую, верную ноту. В этом же отрывке он говорит о том, как надо учиться стоять, двигаться: нельзя ни разваливаться, ни быть в состоянии напряжения, надо найти какое-то среднее состояние. Но это не дает молитву; так же как правильно натянутая струна сама никакой мелодии не издает, надо, чтобы кто-то на ней играл.

– Современная психиатрия вполне удовлетворительно описывает различные формы психических нарушений, но она, кажется, не дает ответа на вопрос, что такое психическая патология вообще, и на другой, может быть еще более важный вопрос, что считать психической нормой. Как можно с духовной точки зрения ответить на эти вопросы?

– Иоанн Кронштадтский писал в своем дневнике, что есть души настолько хрупкие, что они не могли бы осуществить себя в столкновениях с окружающим жестоким и разрушающим миром; и порой Бог набрасывает пелену, которая разделяет человеческую душу от мира помрачением ума, безумием так, что человек отделен. (Цитата не точна: я слишком давно читал этот отрывок и не помню его слов, но такова основная мысль). В какой мере это можно рассматривать как реальность, как точку зрения, соответствующую действительности? Вы можете подумать, что очень непочтительно по отношению к Иоанну Кронштадтскому ставить вопрос, прав он или неправ; но я думаю, что невозможно в духовной жизни просто принимать сказанное – хотя бы и авторитетом – без проверки, потому что мы растем оттого, что познаем на собственном опыте, где правда, и не можем развиваться просто на том, что станем запоминать чужой опыт.

В этой области у меня был один непосредственный опыт, который меня очень поразил, потому что он приблизительно совпал со временем, когда я читал Иоанна Кронштадтского. Я тогда работал в психиатрической больнице, и один наш русский православный верующий вдруг помешался; причем очень трагически, не только слегка потерял сознание реальности, но просто погрузился в мир совершенной фантастики. Он попал в больницу, находился там, кажется, в течение полутора лет. И когда он вышел оттуда, мы все были поражены тем, как он внутренне, духовно созрел. Значит, в период, когда до него нельзя было докричаться, нельзя было достучаться никаким способом (он не узнавал нас, не слышал нашей речи, была стена между нами) что-то внутри, в глубине, происходило, и он вышел из больницы зрелым человеком, каким не был, когда поступил туда.

Есть, однако, смежная полоса людей, которые достаточно нормальны, чтобы вести приблизительно нормальную жизнь, но не вполне нормальны в обычном смысле слова.

Я одно время пробовал что-то понять в юродивых и читал жития и имеющуюся на этот счет литературу; и у меня сложилось впечатление, что есть два типа юродивых. Одни не представляют никакой проблемы с нашей точки зрения: это люди ясного, сильного, мощного ума, которые просто выбрали путь поддельного, подложного безумия. Они прикидывались безумными, но оставались людьми большого, глубокого и трезвого ума. Но есть другая категория людей, чем-то ненормальных, которые в православной традиции юродства нашли свой путь святости. Между прочим, это одна из вещей, очень поражающих меня в нашей Церкви: в ней больше всего юродивых, очень мало их вне Русской Церкви. И мне кажется, что Русская Церковь сумела найти какой-то путь, позволяющий даже человеку психически неуравновешенному все-таки развиваться духовно и прийти до какой-то меры святости.

Настоящих критериев нормальности нет; наиболее достоверный – это приспособленность, но приспособленность – понятие очень сложное. Потому что можно приспособленность видеть в том, что ты – такой точно, как все; но можно видеть ее и в обратном, то есть в том, что у тебя достаточно личного, объективного суждения, чтобы противостоять всем – но с какой-то закономерностью: не просто лягаться вправо и влево, а произносить суждение и действовать соответственно. Между этими двумя крайностями есть масса оттенков, но так или иначе нормальность всегда определяется той или иной формой приспособленности, и это очень относительное определение, потому что оно чисто практическое. Например, на основании такого определения можно сказать, что целый ряд великих людей и святых были ненормальны; в конечном же итоге они-то и были нормальны, а мы – нет.

Но когда мы можем рассматривать человека как достаточно нормального, встает вопрос о его ответственности, об ответственности за его поступки по отношению к людям, по отношению к Богу. И вот тут, мне кажется, не надо забывать, что ответственность человека неотделима (если можно так выразиться, потому что это скользко) от Божией ответственности. Я сейчас объясню, что я хочу сказать.

Мы живем в определенных жизненных условиях; мы сотворены Богом определенным образом, духовно-телесными существами, и в этих пределах мы ответственны за то, что делаем; но можно поставить вопрос о том, каким образом Бог берет на Себя ответственность за первичный Свой акт, который нас ставит в эту обстановку. И я думаю, что мы имеем право этот вопрос ставить, потому что Бог на него дает ответ. Бог нас вызывает к бытию, не спрашивая, хотим мы быть или нет; но Он воплощается, Сам делается человеком и разделяет с нами всю человеческую судьбу, не только ту, которую Он для нас задумал, а ту также, которую мы создали падением и всеми его последствиями.

Но если остановиться на человеке: где предел нашей свободы и что такое наша свобода? Если думать, что, не будучи ничем обусловленными, мы можем делать все, что захотим – совершенно ясно, что у нас этой

свободы нет. Мы не можем летать, мы не можем делать массу других, гораздо более простых вещей. Но где границы этой свободы? Первая граница в начале. Бог нас сотворил, не спрашивая, и каждый из нас появляется на свет, не будучи спрошен. Тут никакой свободы нет, есть данность; и мы знаем, что в конце времен будет какой-то итог жизни всей твари. Мы все станем перед Богом, и Бог произнесет какое-то суждение или, если предпочитаете, суд над нами. В интервале же между этими двумя моментами – в какой мере мы свободны или определены? В значительной мере мы определены, – мы определены тем, что созданы человеками, людьми. У нас кровь, плоть, ум, у нас сердце и т.д. Мы определены обстановкой, в которой рождаемся, влияниями, которые на нас действуют, и т.д. Значит, нельзя просто сказать, что мы свободны в том смысле, в котором Бог свободен.

Если можно употребить здесь образ, у меня впечатление, что мы ужасно похожи на жука, которого посадили в стакан. Когда он старается пробиться через дно – ему пути нет, старается пробиться через стенки – тоже никуда. Одна только возможность: вылететь из стакана. У нас та же самая возможность. У нас нет возможности пробиться по ту сторону Божиего творческого слова; у нас нет возможности пробиться по другую сторону, и, как Иван Карамзев того хотел, «отдать свой билет Богу»; у нас нет возможности вырваться из тех биологических или душевных условий, которые составляют нашу человечность, но есть одна возможность: вырасти в меру Богочеловека.

– Насколько можно ждать от человека, что он станет лучше, если он по-настоящему воспримет христианство? Характер, какие-то природные склонности, видимо, сильно трансформируются; что в нем может переделаться и что останется навсегда?

– Я думаю, что человек может стать лучше, но каждый по-разному. Кажется, Амвросий Оптинский говорил, что суровый человек и святым будет суровым, а мягкий человек будет мягким святым. Но суровость без любви – одно, а суровость с любовью – другое; т.е. суровость при глубокой любви может превратиться в очень большую строгость к себе, в стройность жизни или хотя бы перестанет быть мучением для других. Судя по тому, что мне приходилось читать, я не думаю, что человек просто делается иным в том смысле, что его природные свойства или дарования меняются на обратные; но все же они меняются. Скажем, мягкость может быть слабостью или состраданием, сочувствием, лаской; и вот, слабость должна уйти, а ласка, сострадание должны ее заменить. Наши свойства сами по себе большей частью нейтральны, и поляризуются в зависимости от того, в какую сторону мы смотрим, каков наш идеал, какова наша направленность.

– Может ли пастырь предъявлять требования (и какие именно) слегка ненормальному человеку, учитывая его душевные состояния?

– Я думаю, что, говоря схематично, можно разделить эти состояния на два типа. Те, в которых есть наигранность, ложь, неправда, являются определенной помехой. Другие являются, так сказать, «структурным» недостатком: глупый человек, или нечуткий, или человек с изъяном, у которого чего-то не хватает – как на инструменте может быть три струны вместо пяти, но эти три есть и не испорчены всем остальным.

У меня сейчас в мысли конкретный человек, моя прихожанка: она определенно с трещиной; но помимо трещины она обнаружила, что делается страшно интересной для других (во всяком случае, в начале), когда проявляет свою какую-то тронутость. Она ее проявляла по малости, и люди как-то переживали: «Ах, бедная Вера!..» Потом она стала ее проявлять так живописно, что это стало невыносимо, до дня, когда мне все сказали: «Она совершенно сошла с ума!» Я решил: я тебе покажу «сошла с ума» – и взял ее в оборот: перья полетели! Я ее потряс, говорю: «Вот что, Вера, я вам скажу: вы или комедиантка, или хулиганка, или сумасшедшая. Если вы сумасшедшая, в следующий раз, когда вы выкинете что-нибудь, я вызову санитарную карету, а если вы хулиганка или комедиантка, мы вызовем полицию, – так вот, вы мне скажите: которую вызывать? я буду знать»... После чего она перестала быть сумасшедшей. Казалось, это непреодолимо, она ничего не может поделать – а вот, оказалось, может. Потому что кроме того, что у нее действительно есть где-то трещина (что не удивительно: у нее прошлое такое жуткое, трудное), она еще ее эксплуатировала, пускала в ход, потому что с этого можно было барыш получить, интересность, – до момента, когда она обнаружила, что «быть интересной» может кончиться плохо. Тогда вдруг все сошло. Иногда она снова делается «интересной», но теперь ее гораздо проще утихомирить. Так вот: в ней есть нечто непоправимое, с чем надо считаться, причем с большим чувством сострадания и приятия; и есть надстройка, с которой нельзя считаться и которую надо вышибать.

В истерии есть момент комедиантства, лжи, игры и т.д. Такого рода психические настроения, конечно, губительны для духовной жизни, потому что правды очень мало остается; человек так запутывается в собственной комедии, что трудно добиться, чтобы он правдиво перед Богом стоял. Если он и исповедоваться придет, он, может, даже скажет всю правду, но сам по отношению к этой правде станет как бы любоваться: насколько драматично он описывает, какая он дрянь, – и это уже не исповедь, это бесполезно. Человек не может каяться, когда, исповедуясь, он смотрит краешком глаза и думает: «Какое же впечатление я произвожу? Неужели он не сражен тем ужасом, который я описываю?..» И отвечаешь такому человеку, как случилось мне раз: человек описывал, описывал, описывал, наконец остановился, изумленный моим

безразличием, и сказал: «Как вы все это расцениваете?» – ожидая драматичности, а я ответил: «Это у вас расстроенная печень»...

– Как вы относитесь к современной практике психотерапии?

– На Западе очень распространена психотерапия, к ней прибегают там, где, мне кажется, можно было бы и не прибегать к ней. Есть, конечно, положения, моменты, когда человек душевно болен, и тогда к нему надо применять или лекарственное лечение, или психоанализ. Но очень часто люди прибегают к психотерапии вместо того, чтобы обратиться к священнику, – или потому что они неверующие, или потому, что священник не подготовлен и не способен разбираться в проблемах их души, или потому, что они хотят переложить ответственность за свою внутреннюю борьбу на другого человека и как бы освободиться от нее, хотят быть освобожденными от проблемы без того, чтобы взять за нее полную ответственность и подвижнически бороться. С этим для человека верующего связан вопрос о том, какая связь может быть между исповедью и покаянной жизнью, с одной стороны, и психотерапией, в частности, психоанализом – с другой стороны.

Мне кажется, тут надо рассматривать вещи совершенно различно. Психоанализ может человеку помочь разобраться в себе самом, может помочь ему заглянуть в тайники своей души, но психоанализ не обязательно приведет человека к покаянию. Риск психоанализа в том, что человек, разобравшись в своей греховности, увидев себя, какой он есть более или менее (во всяком случае, более совершенно, чем без психоанализа), считает, что теперь ему надо лечиться, но не каяться, что это все душевная болезнь, неустройство психическое, но не нравственное, не духовное. С другой стороны, если человек верующий, который не может найти в себе корень зла, начинает лечиться у психиатра и перед ним раскрывает мрачные глубины своей души, он может их осознать не только как душевное расстройство, у которого всегда есть какие-нибудь причины, но и как расстройство, за которое он в значительной мере ответственен. В таком случае он может после этого обратиться к священнику, к духовному наставнику уже на новых началах. То, чего он раньше не понимал, он теперь понимает, и может обратиться к Богу с покаянием.

И это в какой-то мере случается как бы совершенно естественно в некоторых обстоятельствах. Мы все, наверное, слышали, как, бывает, старик, старушка жалуются на то, что ночью дурные сны, воспоминания не дают им спокойно спать. Я помню одну такую старушку, которая пришла ко мне и говорила, что всю ночь ей вспоминаются какие-то моменты ее жизни и всегда – дурные, темные, горькие моменты, что она не может из-за этого спать. Она обращалась к врачу, который ей дал какие-то снотворные пилюли, и все равно ничего не получается, потому что то, что было воспоминанием, делается теперь кошмаром... Я ей сказал: знаете что, – вам, как всем стареющим людям, дано заново пережить свою жизнь, но пережить ее на новых началах. Когда вы были

молоды, вы принимали решения, совершали поступки, которые были как бы соизмеримы всей житейской неопытности. Теперь вы набрались большего житейского опыта, и Бог вас ставит перед лицом всех тех греховных ошибок, дурных поступков, ложных пожеланий, которые были в вашей жизни в прошлом. Вопрос, который вам ставит Господь, делая это, как бы воскрешая прошлое, настойчиво возвращая вас к нему, вот в чем заключается: теперь, с твоим опытом, какая ты теперь стала, если тебя поставить в ту же обстановку после стольких лет, как бы ты решила этот вопрос? Что бы ты сказала?.. И если ты можешь сказать: никогда я этого слова не произнесла бы, никогда я так не поступила бы – знай, что тот человек, которым ты была в молодости, умер, и что теперь ты свободна от своего прошлого хотя бы в этом отношении. И ты увидишь, если ты о чем-нибудь можешь до конца сказать, что теперь это для тебя стало абсолютной невозможностью, оно не будет к тебе возвращаться ни в твоих снах, ни наяву. Если же ты не можешь так сказать, знай, что это не твое прошлое, – это еще твое греховное настоящее, неизжитая греховная неправда.

И это то же самое, что совершается в психоанализе, только тут это воспоминание всплывает естественно, а там врач тебе помогает постепенно к нему вернуться. Но последний шаг для верующего – это покаяние: покаяние перед Богом в одиночку и покаяние на исповеди.

– Может ли верующий человек обращаться за помощью к врачу, лечащему методом гипноза, и наоборот, верующий врач имеет ли право лечить этим методом?

– Я думаю, что да. У нас в романтической литературе 18-19-го века, начиная с Месмера и других гипнотизеров, сложилась картина чуть ли не чертовщины, будто можно овладеть человеком так, что он уже раб твоей воли. Насколько мне известно (я знаю немного, но все-таки кое-что об этом знаю), нельзя так овладеть волей человека.

– А природа гипноза – от светлых сил или от темных?

– Думаю, что не от светлых и не от темных; это просто употребление, применение природных дарований. Причем опять-таки, любой человек, любой врач может научиться лечить гипнозом, это не требует темных глаз и драматического лица. Это – техника. Вы можете с голубыми глазами и с самым обыкновенным лицом быть в состоянии гипнотизировать человека.

– А откладывает ли это какой-то отпечаток на душе?

– Насколько я знаю, нет; но опять-таки, это отчасти зависит от того, что представляет собой врач. Но ведь и врач, который лечит лекарствами, тоже может навредить пациенту, сделав его наркоманом или чем-нибудь в этом роде...

– Можно ли лечить на расстоянии, и причем удаленность никакой роли не играет? Если на расстоянии стараешься только молитвой воздействовать, это не удастся, но когда молитва

сочетается с определенной мысленной активностью, тогда это помогает...

– Из опыта кружков людей, которые собираются для молитвы о больных, явно: что-то случается. В Англии существуют такие кружки (не знаю, где еще, я сейчас говорю о том, что знаю достоверно). Есть целые общества – имени апостола Луки, имени архангела Рафаила: люди, которые отдают себя отчасти – т.е. оставаясь в своих профессиях чем угодно – заботе о больных, но не в виде санитаров или санитарок. Они собираются еженедельно, и каждый из них приносит хоть одно имя: вот такой-то человек страдает такой-то болезнью или находится в таком-то состоянии... И вся группа, когда они осознали, что с этим человеком делается, погружается в молитвенное размышление. Это не то чтобы отслужить Молебен: «Господи, сделай то-то»... Они активно именно вбирают этого человека в сознание, держат его в этом сознании с любовью, с благожеланием, вместе с Богом; и я видел случаи, когда что-то случалось, это помогало.

– Можно ли смотреть сеансы лечения наших целителей? Они говорят о добре и делают его реальным. Трудно безнадежно больному отказаться от надежды...

– Я не видел этих сеансов и не возьмусь давать определенный ответ; могу только сказать вот что. Владыка Сергей Одесский говорил с одним из подобных целителей и спросил его: «А вы крещены?» А тот ему ответил: «О нет! Я не захотел креститься, потому что уверен, что если крещусь, я потеряю свой дар». Для меня это довольно-таки значительный ответ.

Помню, в Англии была знаменитая целительница, которую я хорошо знал; ее все очень уважали, а на меня она производила впечатление хищного зверя. Когда моя мать умирала от рака, та написала письмо, предлагая свою помощь, говоря, что она молилась и ей было открыто, что она может мою мать вылечить. И моя мать ответила: «Я предпочитаю чисто умереть, чем грязно исцелиться».

– Имеет ли это какое-то отношение к целителям-экстрасенсам или людям, которые лечат какими-то биотоками?

– Я думаю, как только мы ярлыки наклеиваем, мы создаем проблемы. Мне кажется, что естественно ощущать друг друга на расстоянии, просто нормально. Скажем, когда с кем-нибудь, кого вы любите, стряслось нечто тяжелое душевно, так часто «сердце сердцу весть подает»... Я не вижу никакого основания, чтобы этого не было; и если это естественное свойство, а не какое-то чудо, то почему нельзя воспитать в себе эту чуткость? Мне кажется, первое, что надо делать, чтобы эту чуткость воспитать, это обращать внимание, когда это случается, а не отстранять; не говорить: «Ах, не может быть!» Наоборот: я ощутил тревогу о каком-то человеке, я на этом останавлиюсь, буду об этом человеке думать, молиться, переживать, – кто как умеет; и никогда не пропускать эти моменты, иначе эта чуткость притупляется, как притупляется любая наша способность,

которую мы не употребляем. Конечно, люди бывают разно одаренные, но в какой-то мере каждый, кто связан с другими сердечным образом, а не только внешне, может это ощущать. У меня нет особого дара на такие вещи, но я почти всегда знаю за два дня, что идет письмо от такого-то человека, и просто жду его; или знаю: что-то с таким-то случилось. А иногда бывает какое-то общее чувство тревоги; до тебя дошло что-то, как будто крик раздался, и ты услышал крик, но не узнаешь голоса; об этом со мной однажды говорил отец Софроний. Тогда, советовал он, ищи ощупью, молись о каждом человеке, кого знаешь, ставь вопрос: ты или не ты? ты или не ты? – и в тот момент, когда окажется: «ты» – совершенно ясно делается: да, я уже не в тумане, я коснулся реальности...

– Существуют люди, которые очень успешно лечат болезни разными молитвами. Недавно меня озадачили вопросом, как к этому относиться, и я не знал, что сказать. Какие-то молитвы мне попадались – вполне христианские, никаких искажений нет...

– Добрые намерения, какое-то дарование от Бога, добрая воля, не колдовство на зло, а молитва, которая обращена к Богу разумным образом – почему нет? В конце концов, обращаются к священнику для совершения помазания елеем в случае болезни. Священник действует как тайносовершитель, но сила Божия не ограничивается таинствами. Как Владимир Николаевич Ильин раз сказал: всякое чудо – это нерегулярное таинство; т.е. если понимать таинство как непосредственное воздействие Божие – то чудо есть непредвиденная форма такого воздействия; и почему бабуся не может этого сделать, а должен непременно какой-то «патентованный» человек это делать?

– Что такое чудо? Какое различие между чудом и колдовством, магией?

– Коротко это можно определить так. Магия, поскольку мы верим, что она существует, является насилием человеческой воли, человеческого произвола над природой и над другим человеком. Это порабощение. Чудо – это действие Божие, совершающееся посредством верующего человека, чистого душой, отдавшего себя Богу, и оно – дело освобождения; освобождения от уз греха, от уз того ужаса, который мы, люди, создали на земле. Самая сущность чуда в том именно, что человеку и природе вокруг него возвращается свобода быть собой, не быть во власти злого человека или зла на земле... В основе чуда – Божие сострадание, Божия жалость и Божия любовь.

– Вопрос в том, чистое ли всё это или нечистое, потому что у нас замечается какое-то нездоровое увлечение магией и колдовством. И экстрасенсы: вокруг них очень много чего накручивают. Некоторые из них считают себя христианами, но есть мнение, что это лечение естественных болезней какими-то потусторонними силами...

– Мне думается, нет однозначного ответа, прописи тут не дашь. Есть люди, у которых чисто природные дарования, более выраженные, чем у других. Очень обычное явление – люди, которые могут успокоить человека, держа его за руку, или которые, наоборот, могут его как-то взвинтить, потому что из них так и течет нервность. Это самая обыкновенная незатейливая вещь. Есть люди, у которых подобные дарования, чисто психофизические, более ярко выражены, и которые в этом отношении могут помогать или вредить.

У меня был знакомый англиканский священник, который интересовался и работал над «чертовщиной», скажем, и такими вещами; и у него был какой-то дар облегчать страдания, боль. В какой-то период, когда у меня спина была очень плоха, он мне сказал: «А почему мне не попробовать вам помочь?» Он меня положил; сам он длиннющий, так что на голову положил одну руку, на ноги другую – такой охват, сосредоточился, и у меня все прошло на время. Через некоторое время он ко мне снова пришел. За это время я ставил себе именно этот вопрос: какая в этом доля добра или среднего, скажем, не черного, а серого; и когда он второй раз мне предложил, я сказал: «да», – и молился во время его действия – и ничего не получилось. Вероятно или я перестал быть восприимчив, потому что отключился от того, что он делал, мы просто не встретились; или это было что-то сложное – просто не знаю, знаю только, что ничего не случилось.

Есть люди, у которых к этому примешивается в плане человеческом или даже в плане темной силы что-то дурное. Они обладают каким-то даром исцеления – но я предпочел бы болеть и умереть скорее, чем от них получить помощь, потому что они мне кажутся нравственно жуткими, и мне не хотелось бы получить помощь от человека, которого я расцениваю как злое присутствие. Помню, когда я был врачом, ко мне послали одного человека, целителя: он вам будет помогать, он будет исцелять тех, кого вы не можете вылечить... что, конечно, было бы страшно удобно и приятно. Я ему сказал: «А вы мне сначала докажите, что у вас какая-то сила есть»... Он сказал: «Вот, смотрите». Он протянул руку на меня, и меня просто обожгло жаром. Потом протянул снова, и меня просто морозом обдало. Значит, что-то у него было. Но когда я с ним поговорил, он оказался таким прохвостом, что я решил: лучше моим пациентам страдать от меня, чем лечиться у него. Я хоть честно могу пациента отправить от себя, сказать: ничего не понимаю, ищи другого. А этот был бесчестный человек. И у меня было чувство, что у него дар-то, вероятно, природный, но использование его из-за его жадности к деньгам – уже совсем другого порядка.

Ясно, что у святых эта способность тоже коренится в другом, но мне кажется, что самый дар в значительной мере природный. Я не говорю, что чудеса являются природными действиями, но Феофан Затворник в одной из своих книг пишет, что мы недооцениваем свои природные возможности.

Когда, скажем, мы молимся и ощущаем в своем теле те или другие явления, мы склонны сразу их приписывать благодати. И Феофан говорит: нет, это не благодатное явление, а просто чисто природное.

Я думаю, что есть средняя полоса. У всякого человека есть дарования, которые могут развиваться далеко за пределы обычного, но эти дарования будут окрашиваться от того, какой это человек, кто он по отношению к Богу, к темным силам...

Могу признаться, что когда, в 19 лет, я был на первом курсе медицинского, у меня начали проявляться способности читать мысли людей на расстоянии, передавать им на расстоянии свои мысли; и я задумался над этим. Я тогда был в летнем детском лагере; помню, я ходил по лужайке, вдруг остановился и сказал: «Господи, если этот дар от Тебя, пусть он со мною останется, если он от злой силы или просто естественный, но может меня повлечь в гордыню и в разрушение – сними!» И он был снят мгновенно, и никогда больше в такой форме я этого не переживал.

Это меня заставило быть вдумчивым и осторожным в этом отношении, потому что мы ищем – в духовном руководстве или в проповеди, или просто в общении с людьми, чтобы Господь через нас совершил какое-то дело, сказал слово, совершил действие во спасение. Но основывать действие или слово во спасение на естественной почве нельзя; мы ищем другого, наша борьба не с плотью и кровью, а с силами тьмы поднебесной; и никакие естественные дарования не защищены от проникновения и воздействия подобной силы. Поэтому я бы сказал: лучше не надо этим пользоваться, если у вас нет основания думать, что это не естественное дарование в человеке, а плод святой жизни. Я не говорю о Серафиме Саровском, о тех людях, которые были боговидцы и говорили словом Духа Святого, а о той смежной почве, где – да, можно прислушаться, но с осторожностью; не боязливо, не трусливо, но трезво, молитвенно и осторожно к этому относиться.

– Владыка, Вы по образованию врач. Продолжаете ли Вы сейчас врачебную деятельность?

– Нет, я бросил. Я пробовал с полгода быть врачом и священником одновременно, и ничего не получилось: это несовместимо просто по времени. У меня была полная практика, которая занимала весь день, и затем, став вторым священником на приходе, я должен был быть свободным отзываться на нужды прихожан, когда они появляются. И у меня хронически было такое положение: я сейчас должен служить в церкви, у меня список десяти больных, которых надо посетить: значит, я перед ними виноват, если к ним не иду; но люди стоят у двери церкви, и тоже имеют какие-то права, а меня нет... И я все время был виноватым, и в конце концов скучно делается быть всегда виноватым перед всеми: хоть иногда чтобы был проблеск, что ты не виноват! В результате, надо было бы иметь две жизни каждый день. По существу, это было бы замечательное совмещение. Думаю, это возможно, например, как раньше

было в Африке или таких неразвитых странах, когда человек мог заниматься тем и другим как бы параллельно; но в парижской обстановке это оказалось для меня лично невозможным. Кроме того, я не считал справедливым, чтобы, когда человек зовет врача, как бы тайно входил священник; я считал, что справедливо разделить эти две области; неверующий человек имеет право, чтобы пришел только врач, ничто другое. Я хотел сказать, что чувствую: я не имею права прийти к человеку и начинать ему проповедовать веру, потому что он имеет право видеть во мне врача без того, чтобы я на него наседаю и просто пользовался: «Ах, ты в постели, у тебя сломанная нога, ты от меня не уйдешь, давай-ка я тебе попроповедую»... У нас был один такой хирург в Париже, который этим пользовался: как попадет к нему пациент, лежит в постели, удрать не может – он на него со своей верой. И по-моему, он никого не обращал, потому что люди бывали возмущены тем, что он пользуется случаем, нарушает их свободу совести.

Для верующего все равно, что ты врач, а неверующему хочется иметь только врачебные отношения; это могло создать трудности. Это не создавало еще трудностей, потому что я слишком недолго был известен как священник, но могло бы создать. Но главное, что просто все время без остатка уходило на медицинскую работу, просто от семи утра до полуночи: куда же деть тогда остальное?

– Врач, будь он человек, верующий или неверующий, должен лечить только тело, не касаясь человека как личности?

– Нет, я думаю, врач должен относиться ко всему человеку, потому что даже в телесной болезни колоссальную роль играет душевное состояние человека, его решимость жить или его отказ от борьбы, и нет такой области в человеке, которая для врача-соматика безразлична. Конечно, есть области специализированные; скажем, психические болезни не всякий соматик должен лечить, потому что это требует специализации, но это же относится и к отделам соматических болезней: один занимается нервными болезнями, другой, по преимуществу, другими. Но мне кажется, что задача врача – проникнуть во всего человека и как бы использовать все его силы для его выздоровления, – всю его психическую силу возбудить, порой возродить. И врач не имеет права, просто профессионально неразумно было бы сказать: «Меня интересуют твои мышцы и кости, а что там делается внутри – нет»; потому что все больше и больше видно, какую громадную роль играют душевные состояния в болезни.

– *Можно ли помочь страдающему человеку с помощью восточных методов, в частности, медитации?*

– Меня поражает в восточной мистике совершенное бесчувствие к трагедии мира (не к своей, потому что когда человека примет лично, он может бороться с этим, он не может пройти мимо), к самому трагизму мира. Как будто трагизм – иллюзия, как будто если бы можно было

установиться в этом состоянии покоя, света, радости – и трагического ничего не было бы, – считают они.

Нет места для креста и для Христа, как воплощенного Сына Божия, который входит в мир именно потому, что страдание мира серьезно, не иллюзия, не что-то второстепенное, оно чрезвычайно важное, реальное. Вы, вероятно, замечали, что в Евангелии – и даже шире, чем в Евангелии, но, во всяком случае, по отношению ко Христу – нет ни одного момента, когда говорится или является Его слава вне контекста креста... Вот этого в нехристианской медитации совершенно нет. Крест изъят, трагедия изъята; она – зло, она – неуместна. Как будто если все люди ушли бы в такую медитацию, не было бы всего этого. Но это тоже иллюзия в том смысле, что грех случился, зло есть, падение совершилось, Христос распят. И нельзя все это просто отстранить тем, что я уйду в глубины, где меня это не касается.

– Врач, психотерапевт должен выработать отношение не только к болезни и методам лечения, но и в целом к жизни, смерти...

– Есть проповедь у Феофана Затворника; он кого-то хоронил, и первые его слова: Станем плакать, но станем плакать как христиане, потому что смерть – ужас, смерть – нечто, чего мы принять не только не можем, но не должны, смерть идет вразрез с тем, что Бог нам возжелал: чтобы мы жили вечно, жили всей полнотой Его собственной жизни. Христос плакал над Лазарем... Поэтому просто говорить, что смерть как таковая хороша или лишена ужаса, в каком-то отношении нельзя. С другой стороны, в том мире, в котором мы живем: отлученности от Бога, разобщенности между собой, внутренней разбитости, – смерть – единственное, что разрывает порочный круг дурной бесконечности; и в этом смысле она – единственный выход из порочного круга и приобретает какие-то свойства желанности и красоты.

– Но можно ли помочь умирающему человеку понять это?

– Меня очень поразила связь душевно-духовной и физической сторон личности в случае с одним из наших прихожан. Он был верующий, крепкий человек, очень много пострадавший. В какой-то день, когда ему было лет под пятьдесят, он попал в больницу, потому что у него началась желтуха, и тут же обнаружилось, что у него рак, над которым нет никакой власти, он разлился во всем организме. Я к нему пришел; его сестра и я знали, что он умирающий, ему ничего не сказали. И первое, что он мне сказал: «Ах, отец Антоний, какая скука! Столько надо в жизни еще сделать, а я тут лежу бездейственно...» Я ответил: «Знаете, вы мне столько раз говорили: «Если б я только мог остановить время и вместо того, чтобы делать – быть». – Вы никогда этого не сделали, так вот, для вас Бог сделал: лежите и будьте. Вы над своим телом не властны, только доктора могут вас лечить, вы об этом можете забыть; а вы попробуйте быть». Он, конечно, не мог себе представить как это сделать, что значит «быть» –

нельзя же только лежать на спине и «быть»; и спросил меня, что это значит. Я ему сказал, что болезнь и смерть зависят, конечно, от органических причин; но сверх того от душевно-духовной сопротивляемости и внутреннего строя человека. Человек, который сдается психологически, умирает скорее и переносит боль гораздо тяжелее, чем человек, который хочет жить и борется за жизнь – это общее место. И я ему посоветовал изжить, сбить все те силы разрушения, которые у каждого человека есть в сердце и в уме: горечь, воспоминания, – вообще, все то, что отрицательно в нем. И мы этим занялись вместе: мы рассмотрели все его отношения с окружающими; его отношения к себе самому, потом стали уходить вглубь, в прошлое, – какие отношения были, с кем, что было в них неладное, так, чтобы он примирился внутренне с прошлым. Конечно, с некоторыми людьми уже нельзя было мириться, они уже отошли, – умерли, уехали; но внутренне всегда можно наладить отношение к ним, сказать: «Я тогда был молод, я не понимал; теперь я вырос в новую меру зрелости, я этого бы не сделал, я жалею и я от этого как бы высвобождаюсь, это больше не тот «я», который сейчас лежит, а какой-то умерший «я»; того уже нет». И так мы проходили всю его жизнь, и к моменту, когда он уже стал умирать, был совершенно прозрачен, исхудал, даже не мог питаться сам, – он мне как-то сказал: «Как странно: мое тело почти что умерло, но я никогда не чувствовал себя так интенсивно живым, как теперь...» Потому что все то, что удручало, убивало в нем духовно-душевные жизненные силы, ушло. Он примирился, очистился, освободился; и умирать телесно для него уже не было проблемой, как ранее. Я бы сказал, что его тело вымирало, но его «я» жило все больше, больше и больше, и, наконец, выросло в такую меру, что он высвободился от ограничений времени и ушел туда, где время и пространство не играют роли. Так что я думаю, что, конечно, душевно-духовные состояния решающие.

– Меня поразила ваша мысль о том, что в последние минуты жизни человек нуждается в сопереживании; это очень актуально...

– Да, я думаю, что человек нуждается в этом. Умирать совершенно одиноким может человек, который достаточно созрел, чтобы корениться в Боге, я бы сказал, уйти уже на родину, а не в неизвестность. Я довольно много видел процесс умирания: во время войны я в течение полугода работал во фронтовой больнице, куда все время поступали раненые и умирающие, и я, как правило, всегда проводил с умирающими последние ночи, в какой бы палате они ни были. Помню, как много значило для каждого из них сознание, что он может заснуть, и если проснется внезапно, то не будет один в темноте палаты. Помню одного молодого солдата, лет двадцати с небольшим, т.е. немного моложе меня. Он умирал; я к нему пришел вечером, сел, немножко поговорили; потом он говорит: «Знаете, я думаю, что умру...» Я сказал: «Ну, это мы еще увидим; посидим вместе...» И он начал тогда рассказывать о своей жизни, о своей

ферме, о жене, о работе, показывал какие-то фотографии, и затем говорит: «Мне страшно умирать одному...» Я говорю: «Ты не будешь умирать один, я с тобой буду сидеть». – «Да, но вы же не будете сидеть всю ночь...» – «Буду сидеть всю ночь; дай мне свою руку и держи ее, и если будешь немножко приходить в сознание, ты не вырываешься из сна, а только так пощупай немножко, чтобы удостовериться, что рука еще тут...» И мы так сидели всю ночь, до раннего утра, когда он умер; он лежал, держал меня за руку, периодически я чувствовал, что он удостоверяется: я один или нет? – И он вошел в смерть с сознанием, что его кто-то за руку держит. И мне кажется, что это страшно важно, потому что когда человек уже не может общаться речью и даже глазами, я уверен, что столько передается через прикосновение руки. Это такая обычная вещь, мы все знаем, как много значит прикосновение руки, когда у нас горе.

* * *

В качестве приложения редакция решила познакомить читателей с интереснейшим опытом, который можно было бы назвать духовно-практической психотерапией психически больных. Священник из епархии митрополита Антония отец Венедикт Рамсен уже многие годы помогает душевнобольным, поселяя их в своем доме. Публикуем фрагменты беседы о Венедикта с прихожанкой Ириной Кирилловой, профессором русской литературы в Кембридже.

И.К. Насколько было важно в начале вашей деятельности, чтобы больные, которыми вы занимались, жили не просто в вашем доме, но в самой семейной среде?

О.В. Я хотел бы сказать прежде всего, что начало моей деятельности не касалось больных. В ее основе лежало решение с моей стороны и со стороны моей семьи проводить жизнь, выстроенную вокруг молитвы, вести мистическую жизнь, построенную вокруг богослужения, так же как монастырь строит свою жизнь вокруг молитвы, богослужения. Мы начали это на домашнем уровне, и почему-то те люди, которых вы упоминаете, больные, начали приходить, и с годами то были все более тяжело больные люди. В конце концов их стали присылать практикующие психиатры, и теперь я бы употребил более сильное слово, чем «больные» применительно к тем людям, о которых я забочусь. На моем попечении люди, которых некоторое время назад назвали бы сумасшедшими, буйно помешанными, это люди, которые могли совершить поджог, напасть на другого человека, поранить самих себя, которые не раз пытались повеситься, люди, у которых были навязчивые идеи, например, по поводу еды или мытья, одним словом, люди, справляться с которыми было очень трудно соответствующим службам нашей страны.

И.К. Что вы с ними делаете? У вас их много, но можно ли спросить: что вы делаете во-первых?

О.В. Даже не знаю, что вам сказать. Теперь моя деятельность расширилась: большинство моих детей выросли, непосредственно

помогают мне, мы распространили нашу работу на восемь домов, и везде работают люди, которых подготовили мы сами с женой и детьми, они делают все то же, что делали мы. Но тем не менее я замечаю, что самая глубокая перемена происходит с людьми, которые приходят к нам с сильными расстройствами, не тогда, когда мы начинаем с ними беседовать или что-то делать с ними, а в тот момент, когда они переступают порог нашего дома.

И.К. Отец Венедикт, каково значение того факта, что вы священник? Можете ли пояснить, как одно помогает другому?

О.В. Можно, я проведу аналогию, и прошу простить, если она несколько прямолинейна. Когда между мужчиной и женщиной рождается любовь, когда они доходят до близости, совершается брак, появляется дом, дети, и все это создает нечто целое, и оно излучает в мир влияние, общественное влияние, гостеприимство... Я думаю, что наивысшее таинство Церкви – Евхаристия – также производит некое влияние. Можно бы сказать, что совершение Евхаристии создает семью, дом. И дом, семья, гостеприимство и все, что с этим связано, по самой своей природе таинственны, обладают божественной силой. Мне кажется, что по самой своей сути мое священство – утверждение того, чем призваны быть каждый мужчина, каждая женщина. Я таинственно выражаю некое видение...

Точно так же священническое служение является своего рода пророческим выражением, указывающим на таинственную силу, которая сокрыта в человечестве и во взаимодействии людей. Люди, которыми я занимаюсь, вот уже несколько столетий были просто отрезаны, исключены из общества. В английском языке появился даже устойчивый оборот: «Его надо упрятать». Это значит – он сошел с ума, его надо посадить под замок, удалить из общества людей. Когда это делают с человеком, страдающим от болезненного психического состояния, его состояние усугубляется тем, что на него ложится вся тягота исключения из общества. Совершенно простым способом я возвращаю этих людей в общество – я ввожу их в мой дом, который, надеюсь, является местом красоты и достоинства, местом становления человека.

И.К. Отец Венедикт, вы – православный священник в Великобритании. Каково отношение к вам социальной службы, медицинской службы? Вы, очевидно, сотрудничаете с ними в известной степени. Как они относятся к вам – не просто священнику, а священнику православному?

О.В. Я думаю, уже давно, когда мы с женой оказались вовлеченными в эту деятельность без намерения и создались эти связи с людьми, которые нуждались в нас, возникла такая ситуация. По мере того как мы продолжали и достигли какого-то успеха (это стало почти статистически заметным фактом: «здесь что-то случается, отчего им становится лучше»), первое время мне очень хотелось сказать: «То, что я делаю, не магия, это не целительство через веру». Но тот факт, что я православный священник,

заставлял их смотреть на меня не как на духовное, религиозное лицо, а как на несколько экзотическое духовное лицо, которое связано со сверхъестественным. Все эти годы я утверждал: то, что я делаю – таинственное, не магическое, и потому что оно таинственное, оно сообщает нечто о любом человеческом существе, о каких-то основоположных данных, на что способно любое человеческое существо. За последние лет десять, подойдя к определенному возрасту, я стал распространять опыт своей работы с намерением показать, что то, что делаю я, может быть повторено, что это – не деяние некоей странной личности, мага или святого, что это – откровение о способностях, которые есть у большинства людей, но которые мы потеряли, потому что не пользовались ими. Исключив этих людей, мы не только обеднили, ранили их, – мы обеднили сами себя. Из-за нашего страха мы посадили их под замок, а вместе с ними – столь многое, что составляет часть нас самих, и в результате мы потеряли часть диалога, идущего внутри нас самих, который необходим, если мы хотим помочь человеческому миру, помочь обществу.

И.К. Считаете ли вы, что те люди, о которых вы заботились все эти годы и продолжаете заботиться, что они – в самом глубоком смысле слова – и составляют ваш приход, вашу паству, или, как у любого священника, у вас есть паства и помимо этой группы?

О.В. У меня есть паства, как у любого священника. Я окормляю православных в Корнуолле. Но невозможно быть приходским священником на территории в несколько сот квадратных миль. Самое большее, что я могу – быть для них своего рода капелланом. И научиться этой роли было нелегко. Мое священство было не всегда легко и я должен сказать, что не раз чувствовал себя обескураженным. Однажды в такой момент я прочел слова, которые Христос употребил в синагоге, говоря о Своей миссии. Помните: Ему подали свиток, Он раскрыл место из пророка Исаии, где говорилось: Дух Господень на Мне, и т.д. И в заключение Он сказал: ныне исполнилось писание сие, слышанное вами... Это было свидетельство о Его миссии. Так вот, в этой цитате из Исаии есть слова «проповедовать пленным освобождение». Я снова и снова обращался к людям, которые находились в невыразимо ужасном плену. Невозможно описать, в каких ужасающих условиях содержатся эти, иногда совсем молодые люди, из-за того, что их поведение порой представляет вызов, – и я освобождал их. Более того, я научил других людей поступать так же. Я чувствую, что в день, когда я, недостойный священник, предстану на суд, я тем не менее смогу сказать: «Да, недостойный священник – но священник», потому что я смогу предъявить этих людей. Мой владыка, митрополит Антоний, часто цитирует текст: «Се аз и дети, яже даде ми Бог». И если отвечать на ваш вопрос прямо, у меня чувство, что если уж мне произносить эти слова: «Вот я и дети, которых дал мне Господь», в первую очередь это будет отнесено к ним, к тем, кому я стал в некотором роде отцом, породив их в свободу, но кто, верю я, принадлежит Христу.

И.К. И наконец, что вы сказали бы священнику, который либо сознает, что среди его паствы много людей, глубоко искалеченных жизнью (ведь в России их так много!), либо хотел бы посвятить себя специально, как то сделали вы, таким больным, – что вы сказали бы такому священнику?

О.В. Я бы сказал: начните с понятия достоинства. Одна из вещей, сильнее всего поразивших меня, когда я впервые побывал в православном храме, было то, как там относились к любому верующему, кто бы он ни был: как к иконе. Священник, обходя храм, кадил каждого присутствующего, как икону, образ Божий. Мы – падший образ Божий, ужасно поврежденный, однако Воплощение не только восстановило нас в нашем человеческом достоинстве, но придало нам достоинство, которое в конечном итоге может быть измерено только мерой Самого Христа. И я думаю, что это – самый исцеляющий момент. Прежде всего, подарите человеку его достоинство. Когда это сделано, происходит такое глубокое исцеление, что я даже не могу этого описать или объяснить, но мы можем это сделать во Христе.

Публикацию подготовили Е.Л.Майданович и Ф.Е.Василюк.